

СОГЛАСИТЕСЬ, не так уж часто приходится нам общаться с «живыми» классиками, а человек, который принимает меня сейчас в своем номере гостиницы «Астория», — безусловно, классик. Классик советской драматургии. Его знаменитая «Таня» была сыграна в разных театрах тысячи раз, его многочисленные пьесы идут сейчас не только в нашей стране, но и на сценах тридцати четырех государств мира.

И вот — опять премьера: «Жесткие игры» в БДТ.

— Алексей Николаевич, хочу прежде всего задержать ваше внимание на таком факте. Герои последних ваших пьес чаще всего были людьми солидного возраста, и вдруг — «Жесткие игры», где в центре событий — двадцатилетние! Чем же вызван такой крутой поворот?

— Вы правы, все мои последние пьесы были действительно о людях немолодых. И это, пожалуй, вполне естественно, ведь задача каждого писателя, мне кажется, — быть прежде всего биографом своего поколения. Моя работа все годы тоже строилась подобным образом, но вот в преддверии своего семидесятилетия задумался: а смог ли бы я сейчас написать пьесу о молодых людях сегодняшнего времени? По правде говоря, этой работы опасался и для себя считал ее экспериментальной, потому что абсолютно не был уверен в успехе дела. Конечно, сегодняшнее поколение молодых я знаю — хотя бы потому, что у меня самого есть дети, и по нынешним временам их даже немало...

— Сколько же, если не секрет?

— Четверо. И у всех есть друзья — люди тоже молодые... Но, естественно, я не ограничивал наблюдения лишь рамками своей семьи, потому что много езжу, встречаюсь — в том числе и с двадцатилетними... Тем не менее это поколение долгое время казалось мне загадочным. Поскольку, на мой взгляд, собственно написание пьесы есть процесс постижения материала, разгадывание определенной загадки, то поэтому, когда писал «Жесткие игры», старался загадку двадцатилетних разгадать. Удалось ли мне это полностью? Разгадал ли нынешних молодых до конца? Вряд ли. Но пьеса написана, и я рад, что свой солидный юбилей отметил именно таким образом.

И еще одно обстоятельство. Я руковожу студией молодых драматургов, как у вас в Ленинграде, — Игнатий Двирецкий. Так вот, работа с молодыми, которые пишут о своих сверстниках, в какой-то мере меня подзадоривала, возникало даже чувство зависти. И это тоже как-то подвинуло к работе...

— А как вы сами для себя определяете тему «Жестких игр»? Насколько она в вашем творчестве случайна или закономерна?

— Думаю, что эта пьеса как-то продолжает то, о чем я писал в последнее время. Я наблюдал, что очень часто мы относимся к близким людям недостаточно внимательно. Легкомысленно общаемся с ними и, между прочим, с самими собой, оправдывая это тем, что, мол, живем на больших скоростях, очень заняты разными важными делами... И почему-то забываем, что наша

личная, частная жизнь является вместе с тем и жизнью общества... Мне хотелось, чтобы зритель «Жестких игр» задумался именно об этом...

— За полвека вы написали около тридцати пьес. Они разные по сюжетам и, конечно, неравноценны по качеству, но все-таки, как вы считаете: объединяет ли все ваши работы какая-то главная мысль? Есть ли то, что вас как драматурга тревожит и волнует всегда?

— Наверно, есть. Я думаю, что это тема — человек и общество, определение себя в коллективе. Здесь может быть очень много разных разветвлений. Человек, естественно, занят собою, и в этом нет ничего страшного, потому что размышлять о себе надо тоже. Но часто, к сожалению, люди не могут найти своей связи с окружающими. Вот этот поиск связи с обществом, я думаю, — сюжет всех моих пьес, ну, может быть, за исключением некоторых комедий. А «серьезные» сочинения, начиная с «Тани», — именно об этом.

— Алексей Николаевич, хотелось бы узнать подробнее кое-что из вашей творческой лаборатории. Например: легко ли трудно вам пишется?

— Сегодня — легко, завтра — трудно... Я бесконечно люблю свою профессию и не представляю, что бы делал без театра. А если занимаешься любимым делом — уже счастье... Можно ли это назвать легкой работой? Едва ли. Но во всех трудностях и тяготах сочинительства, поверьте, вижу прелесть.

— Вы работаете постоянно или для дела есть излюбленное время, своя «болдинская осень»?

— Есть любимые месяцы для работы, и связаны они, как правило, с отъездом из

Москвы. Дома не пишу. Весной уезжаю в Ялту, а июль и август обычно провожу на Рижском взморье. Так работаю уже тридцать лет. В Москве пьесу обычно только редактирую.

— С чего же начинается пьеса?

— С чувства беспокойства... Хожу и мучаюсь, стараюсь понять: чем это я охвачен? Почему так волнуюсь? И отсюда, из разгадки этой тайны, рождается сюжет...

— И «Таня» тоже начиналась так? Или, может, все-таки был какой-то конкретный повод?

— Однажды я соприкоснулся в жизни с драматической ситуацией, которая возникла между двумя людьми. Но их история показалась мне очень уж «театральной». Знаете, когда некоторые смотрят на закат и вздыхают: «Ах, как хорошо бы это нарисовать...» Вот

считал, что тема — скорее для Алигера, для его поэмы. Однако Маргарита Иосифовна поэму не написала, а я пьесу все-таки сделал и показал ее Алигер, спросив: «Похоже на то, что было на самом деле?» Алигер ответила: «Только в деталях. Все остальное вы сочинили».

В связи с этим думаю вот о чем. Когда наши писатели ездят в дальние командировки специально «за материалом» и потом свои наблюдения стараются как можно скорее, «наперегонки», опубликовать в виде художественного произведения, то чаще всего хорошего следа в литературе от этого не остается...

— Хотелось бы уточнить такой момент. В ремарке к «Старомодной комедии» вы указали: «Действие происходит в августе 1968 года на Рижском взморье». Между тем точная дата там вроде бы не имеет никакого значения. Зачем же тогда она?

в этой ливне дождь... Хорошо знаю реальное место на Ангаре, где утонул Сергей из «Иркутской истории». Знаю санаторий в Дзидтари, в котором встречаются герои «Старомодной комедии», даже скамейка у ресторана, где объясняются Родион Николаевич и Лидия Васильевна, мне доподлинно известна. Есть точный адрес и у «домика на окраине»...

— А точный адрес Тани?

— На Арбате, в Старокошном переулке. Ведь в Танином доме я сам жил когда-то...

— Интересно, какая из собственных пьес, Алексей Николаевич, доставила вам наибольшее удовлетворение?

— Естественно, что автору обычно нравится его последняя пьеса — до той поры, пока не написана новая. Это очень шаткая любовь, ее хватает ненадолго. А так из пьес в разное время лидировали то одна, то другая... Сейчас, по прошествии многих лет, отдаю предпочтение трем — это «Годы странствий», «Мой бедный Марат» и «Счастливые дни несчастливого человека». Пожалуй, особенной популярностью во многих странах пользуется «Мой бедный Марат»...

— Кстати, об этой пьесе, да и не только о ней. Вспоминаются имена героев — Марат, Лика, Леонидик... Или во вчерашнем спектакле — Кай. Пожалуй, у вас вообще особая любовь в таком вот «необычном» имени?

— Ну, Марат — это имя, мне кажется, очень выражает характер героя. Оно для меня связано с Ленинградом, и с крейсером, который защищал город в блокаду... Почему — Лика? Потому что, пожалуй, это одно из самых женственных имен. А Леонидик — это уже словотворчество, подобное уменьшение

го, и особенно актуальна она, на мой взгляд, даже не столько для драматургов, сколько для режиссеров. К сожалению, театр у нас нынче очень инертен: он предпочитает ставить имена уже прижизненные, апробированные и доверяет свои постановки режиссерам в основном именитым. И тут, пожалуй, нам есть чему поучиться у зарубежного театра, где молодой режиссер, человек двадцати лет, спокойно работает с известными мастерами сцены... Мы ни на мгновение не имеем права забывать о постановлении ЦК партии, посвященном работе с творческой молодежью. Обязаны доверять молодым, быть к ним очень внимательными, постоянно внимательными.

— Алексей Николаевич, ведь ваше детство и юность прошли в городе на Неве!

— Да, здесь. И первая пьеса была поставлена в ленинградском Красном театре, который сейчас носит имя Ленинского комсомола.

— Так, может быть, родной город вдохновит на новую работу?

— Есть в заготовке одна пьеса, где действие происходит в Ленинграде, но до нее надо написать еще другую. У меня всегда в запасе несколько историй, вернее — несколько героев, которые беспокоят...

— Наверное, и этих ваших героев снова будут отличать острота ума, ироническое отношение к окружающим, даже сарказм! Ведь люди, которым вы даете жизнь, чаще всего очень непростые... А что же, человек, создающий их, сам никогда не ошибается! Всегда точно знает, как «надо жить»!

— Правильно ли я живу? Трудно сказать... Наверное, поступаю все-таки так, как следовало бы, но вот ощущения — «я сделал все, что следовало» — увы, его нет... Мне нужно было бы работать в театре — вот в чем все дело. Не быть, так сказать, «порхающим» драматургом, а постоянно находиться в одном театральном коллективе. Или, еще лучше, создавать этот театр, как мы с Плучеком создавали когда-то студию. Наверняка тогда я был бы удовлетворен больше тем, что делаю... Конечно, пьеса написана, она существует, но все же попадает в чужие руки, пускай талантливые, но — чужие. В своем театре было бы все иначе. И между прочим там бы шли не только мои пьесы, но и самых разных авторов, в частности, те сочинения, которые раньше успеха почему-либо не имели... Впрочем, что заниматься сейчас прожектёрством — поздно! Не тот возраст...

— А как же профессия драматурга, о которой, ходят слухи, вы мечтали с детства?

— И теперь убежден, что в музыке мне бы работалось вольготнее. Все-таки музыку я чувствую больше, чем слово...

Беседовал
Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото автора

«РАЗГАДАЛ ЛИ

Воскресный

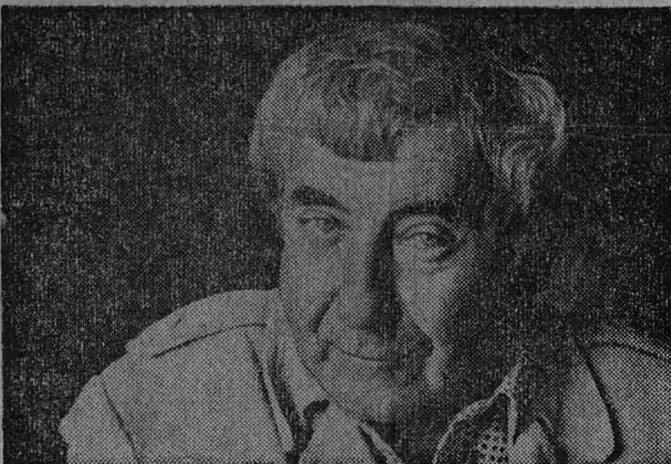
гость

«Смены» —

драматург

Алексей

АРБУЗОВ

МОЛОДЫХ?»

подобной «театральности» как раз я и старался избежать... Потом вторично столкнулся с похожей ситуацией, но писать все же не решился. И только встретившись с подобным а третий раз, взялся за перо. О чем я писал? О том, что, когда человек пытается отдать себя другому и при этом очеркивает свое «я», он неизбежно приходит к жизненному краху. Так родилась «Таня».

— А «Иркутская история»? Как она создавалась?

— В пятьдесят четвертом году мы с Маргаритой Алигер путешествовали по Сибири, в том числе на короткое время задержались в Иркутске. И там, на строительстве ГЭС, узнали о драматической истории, случившейся в этих краях. Однако большого значения услышанному факту я не придал, пьеса родилась только через пять лет. Конечно, все эти годы материал во мне, вероятно, жил, и иногда об этой истории я вспоминал, но

Кстати, и в других пьесах вы скрупулезно обозначаете время действия — вплоть до числа...

— Мне всегда очень важно знать, где и когда происходит действие. Чтобы все было точно. Помнится, у одного автора герои 30 июля любовались луной, хотя по тридцатым числам, как известно, луны не бывает. Да, для меня на сцене все имеет значение; и число, и день недели (смотрю по календарю: что это было — вторник, суббота, воскресенье?). Все это необходимо для полной достоверности. Если действие происходит, например, в Москве, всегда точно знаю — в каком именно доме. Вот Кай из «Жестких игр» — он живет у Никитских ворот, против нового здания ТАСС, это второй дом после поворота на Малую Бронную... И квартира его — непременно на втором этаже, потому что именно тогда можно увидеть из окна листву бульвара и постоянно ощущать шумящий

имени встречается действительно редко, но, на мой взгляд, оно тоже характеризует героя.

— Кто из собратьев по перу вам ближе других?

— Пожалуй, Ион Друцэ. Его «Святая святых», например, — для меня образец современной советской драматургии... Много лет дружу с Виктором Сергеевичем Розовым, хотя наша дружба основана главным образом на спорах... Нравятся многие пьесы Радзинского. Ну а Александр Вампилов, которого, к великому сожалению, уже нет, безусловно, был надеждой всей нашей драматургии...

— Вы стали драматургом в двадцать два года. По нынешним понятиям — рановато... А ваше мнение на сей счет?

— Рановато? В мое время начать писать в двадцать два считалось, пожалуй, поздневатое... Вот эта проблема беспокоит меня сейчас больше все-